

За рубежом

МЕСЯЦ ВО ФРАНЦИИ

Дм. КАБАЛЕВСКИЙ

4. На родине Кола Брюньона

Надо ли говорить, с какой радостью принял я приглашение совершить поездку в Бургундию, побывать в брюньоновских местах! Сейчас, когда я думаю о том, что хорошо бы сделать новую редакцию моей первой оперы, написанной по мотивам замечательной повести Ромена Роллана, эта поездка представляла для меня отнюдь не простой туристский интерес. Я почувствовал себя композитором, направляющимся в творческую командировку.

Рано утром выехали мы из Парижа. Спустя несколько часов перед нашими глазами возникли очертания города Морэн, окруженного старой стеной. Едва проехали мы под массивными, тяжелыми городскими воротами, как оба мои спутника — веселые и симпатичные французские журналисты — в один голос сказали: «Вот мы и на родине Кола Брюньона!» Отсюда начиналась Бургундия.

На следующий день мы были в Везлэ — маленьком городке удивительной красоты, расположенном на вершине горы. В центре городка стоит описанный в «Кола Брюньоне» собор Магдалины, где под стеклом, принося изрядный доход церковным хозяевам, хранятся «косточки Марии Магдалины».

В Везлэ провел последние годы жизни и умер Ромен Роллан. Вместе с гостеприимно встретившей нас вдовой писателя — Марией Павловной Роллан мы в течение двух дней объехали едва ли не все брюньоновские места.

Побывали мы в Брэве, где у стены церкви, с паперти которой «брэвский кюре» произносил свои вольнодумные проповеди, под скромной каменной плитой похоронен Ромен Роллан. По дороге останавливались в деревне Шаму, через которую Брюньон ходил пешком из Кламси в Везлэ.

Немало времени, конечно, провели в самом Кламси, городе, который «ленивая Ионна и бездельник Беврон окаймляют своими лентами». Что же сохранилось от брюньоновских времен в этом городе, на родине Ромена Роллана? Старая каменная стена попрежнему опоясывает Кламси, и попрежнему тридцать шесть каменных ступеней

ведут к площади, на которой возвышается церковь святого Мартина с причудливыми кружевными башнями. Сохранилось и немало старых деревянных двухэтажных домиков, украшенных темными перекрещивающимися филёнками, отчетливо выделяющимися на фоне белых стен.

Кола Брюньон, никогда не существовавший в действительности, представляется в Кламси, как совершенно реальный, родившийся и проводивший здесь свою долгую жизнь человек. «Я не был бы удивлен, — писал Ромен Роллан в одном из своих писем, — если однажды кламсийцы прибили бы досочку на дом, где он жил».

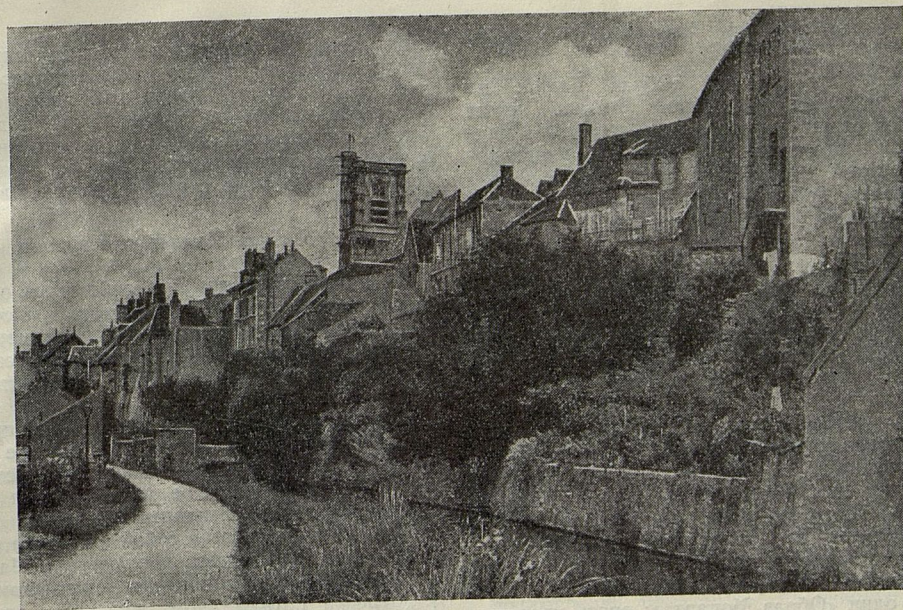
Многое напоминает о Брюньоне в современном Кламси. На постаменте каменной фигуры кламсийского сплавщика, поставленной на мосту через Беврон, высечены слова Брюньона. На четырех стенах вестибюля кламсийского колледжа изображены сцены из жизни Брюньона. И уж конечно, на одной из центральных улиц города находится «кафе Кола Брюньон»...

В десяти — двенадцати километрах от Кламси попрежнему возвышается замок Ануа, заставляющий вновь вспомнить образы бессмертной повести Ромена Роллана. Сюда по заказу владельца замка, графа д'Ануа, мастер из Кламси поставлял свои изделия из дерева.

Подальше — городок Монреаль. «Это я извлял, на усладу себе и кюре, — говорил Кола Брюньон, — скамьи в монреальской церкви, где двое горожан весело чокаются за столом над жбаном, а два свирепых льва рыча от злости, споря из-за кости». И когда, войдя в старую монреальскую церковь, видишь эту замечательную резьбу по дереву, свидетельство высокой талантливости бургундских народных мастеров, вновь начинает казаться, что Брюньон — не вымышленная, а реально существовавшая личность.

Вдоволь налюбовавшись красивыми видами брюньоновских мест, я все же не чувствовал себя вполне удовлетворенным. Я надеялся услышать здесь народные песни, увидеть народные танцы. Я останавливался во многих деревнях, заходил в гостеприимные дома простых виноградарей и хлебопашцев, разговаривал на самые разные темы с приветливыми бургундскими крестьянами, но... нигде не услышал ни одной народной песни, не увидел ни одного народного танца. Од-

Окончание. Начало см. в прошлом номере «Советской музыки».

Кламси. Общий вид

жды, казалось, я был близок к цели: меня познакомили с пожилой крестьянкой, женой виноградаря, большой любительницей пения. Но тут же меня постигло разочарование — она помнила только мансы и песенки, слышанные ею по радио...

— Народная музыка во Франции давно уже перестала существовать, — говорили мне.

Так ли это? Ведь я слышал, что в некоторых французских провинциях исполняют еще народные песни и танцы. Да и может ли вообще «исчезнуть» народное искусство? Конечно, нет! Но несомненно также и то, что народное искусство, поддерживаемое в своем развитии, захлестываемое мутным потоком импортной джазовой «кафонии», начинает чахнуть и забываться. Так чахнет оно сейчас во Франции. Но оно не может исчезнуть. В этом я вновь убедился через несколько дней, вернувшись в Париж, когда на одном вечере истинные патриоты Франции, пожившие свою жизнь борьбе за лучшее будущее своего народа, с увлечением пели прекрасные народные песни, старинные и современные...

5. Розовая скрипка

В этих очерках я, вероятно, не стал бы специально останавливаться на живописи, если бы не довелось побывать в Национальном музее современного искусства на посмертной выставке художника Рауля Дюфи. Умерший в начале этого года, Дюфи, если верить статье, посвященной его творчеству и напечатанной в каталоге выставки, принадлежал к числу видных современных французских художников и, как говорят, был большим любителем музыки. Естественно, что я с интересом пошел на эту выставку.

Накануне этого дня я был в Лувре. Несколько часов было, конечно, совершенно недостаточно, чтобы увидеть и всмотреться хотя бы в са-

мое лучшее, что собрано в этой богатейшей сокровищнице мирового искусства. Только что открытой выставки, на которой экспонирована рубенсовская «галерея Медичи», было бы, в сущности, достаточно на полдня. Но разве можно было удержаться от того, чтобы хоть бегло не посмотреть на созданные за несколько столетий до нашей эры в Египте сфинксы и гробницы, на склоненную Афродиту, на Венеру Милосскую, на замечательные полотна Делакруа — «Свобода ведет народ», «Греческие патриоты», «Смерть Сарданапала», на трагичнейший «Плот Медузы» Жерико, на «Мастерскую художника» Курбэ... А как можно пройти мимо Рафаэля или Леонардо да Винчи, от загадочной «Джоконды» которого невозможно оторвать глаза? Уходя из Лувра, я чувствовал себя обогащенным настоящим, большим и человеческим искусством и думал о том, как общенье с таким искусством во многом может помочь нам — музыкантам...

И вот я вхожу на выставку Рауля Дюфи. Автопортрет художника, написанный им в молодые годы, и ряд рисунков, относящихся к тому же времени, говорят о том, что это был действительно талантливый художник, стоявший некогда на реалистических позициях. Но чем больше его картин я смотрел, тем большее чувство недоумения возникало во мне.

Зная заранее об отношении Дюфи к музыке, я не удивился, что среди более чем двухсот пятидесяти его работ, собранных на выставке, очень большая часть сюжетно связана с музыкой. «Месса Генделя», «Пасторальная симфония», «Образ Баха», «Образ Моцарта», «Оркестр в Гаврском театре», «Большой концерт», «Камерный концерт», «Желтый концерт», «Розовая скрипка» и т. д. — таковы названия многих его картин. Уже последние два названия сами по себе могут вызывать недоумение, которое ничуть не рассеивает-

О составе выступавших в тот вечер хоровых коллективов говорит хотя бы то, что руководителем одного из них является школьный преподаватель математики, другого — простой фабричный рабочий, третьего — сапожник. Тем более отрадно отметить, что исполнение этих коллективов отличалось высоким профессионально-техническим и художественным уровнем. Молодые жизнерадостные юноши и девушки выходили на концертную эстраду и исполняли песни и хоры, в которых выражены сокровенные мечты о лучшем будущем народа. Мужественностью, жизнерадостным оптимизмом были проникнуты выступления молодых любителей музыки.

В тесном творческом содружестве с боевой рабочей молодежью работает группа прогрессивных французских композиторов — Серж Нинг, Жозеф Косма, Жан Вьенер, Луи Дюрей и другие. Эти композиторы отдают все свои силы и способности передовому музыкальному движению современной Франции. Работать им приходится в очень тяжелых условиях. Крупные издательства не склонны печатать сочинения прогрессивных композиторов; они с трудом проникают и на большую концертную эстраду. Но постоянные лишения и трудности не сломили духа передовых музыкантов Франции. Они горячо, с увлечением работают на благо народа. Их благородная творческая деятельность не может не вызвать глубокого, искреннего уважения.

Большое впечатление осталось у меня от исполненного в этот вечер первого акта оперы Жозефа Косма «В краю шахтеров» (в сущности, это самостоятельная одноактная опера).

Несмотря на крайнюю ограниченность исполнительских средств (в основном — хор без сопровождения), эта опера прозвучала сильно и выразительно. Жизненные события развиваются в этом произведении очень просто и вместе с тем драматургически логично. Традиционный карнавал годовщины прерывается взрывом на шахте. Превосходный хор, полный скорби, сопровождает сцену выноса тела погибшего шахтера. Народная скорбь перерастает в гнев, и вся картина завершается мужественным хором шахтеров, объявивших забастовку. Над головами шахтеров подни-

маются знамена. На одном начертано: «Да здравствует мир!», на другом: «Да здравствует ество!»

Жозеф Косма — несомненно, талантливый композитор. Он прекрасно владеет хоровым искусством. Отдельные эпизоды его оперы — колыбельная песня для соло с хором, типично французская песенка-вальс (единственный номер опидущий в сопровождении аккордеона), упомнутый хор народной скорби — достигают большой выразительной силы звучания. Молодые исполтели отлично справились с партитурой. Хотя рассчитанной на самостоятельные коллективы, но далеко не легкой.

Среди других произведений, исполненных в этот вечер, особенно запомнились простые и ответственные песни Нинга («Шахтерская песня Дюрея» («Песня корейских партизан»), Фре («Песня об Анри Мартэне»), Косма («Твое ровье, Морис!»).

Знакомство с этими и некоторыми другими массовыми песнями убеждает, что творчество прогрессивных композиторов Франции, связанное с жизнью и борьбой народа, по праву завоевало видное место в современной французской музыке.

Концерт в Женеве вылился в горячую демонстрацию дружбы французского и советского народов. Выступивший на этом вечере чтец, взяв чувства искренней симпатии собравшихся советскому народу, прочитал «Стихи о советском паспорте» Маяковского. Объединенный бойкий хор исполнил в заключение Гимн Советского Союза, «Марсельезу» и «Интернационал».

После окончания концерта стройные молодые голоса звонко скандировали на русском языке «Друж-ба! Друж-ба!»

Это слово я унес из Женевы как незабываемое воспоминание о встрече с передовой французской молодежью, как выражение нашей крепней дружбы.

Сопоставляя постановку завезенной из океана во Францию декадентской оперы Савинского с боевыми, мужественными песнями рабочей молодежи, нельзя не понять, где стоящая душа французского народа, куда стремится французский народ, за какие идеалы борется!

